

Мои бабушка и дедушка — семейная память о войне, совести и наследии

Я последний в нашей семье.

Больше нет никого, кто помнил бы моих бабушку и дедушку не как фотографии, не как имена в архивах, а как живых людей. Когда я умру, исчезнет память о том, кем они были, о тихой отваге, с которой они жили, и о боли, которую несли в себе — если только я её не запишу. Это личная история, но она не только личная. Она касается насилия двадцатого века, того, что значило выжить при тоталитарном режиме, не предав совесть, и тонкой грани между соучастием и сопротивлением, по которой прошли миллионы обычных людей.

Это история о моих бабушке и дедушке: бабушке, пережившей бомбёжки Вены и невообразимую потерю детей, и дедушке — искусном токарь-металлисте, который внутри оружейного завода находил маленькие, смертельно опасные способы противостоять нацистскому режиму. Я пишу это, потому что их история заслуживает жить дальше. И пишу потому, что их жизнь формирует то, как я сегодня понимаю справедливость, память и нравственную ясность.

Бабушка: выживание под бомбами

Бабушка родилась в 1921 году и провела Вторую мировую в восточных районах Вены. Как и многие гражданские, она следовала указаниям властей. Когда звучали сирены, брала детей и бежала в подвал, обозначенный как бомбоубежище дома.

Эти убежища часто были просто переделанными подвалами — сырыми, переполненными, плохо проветриваемыми. Их называли *Luftschutzkeller* — «воздухозащитные подвалы», но защиты там почти не было. Воздух был тяжёлый и спёртый, свет ненадёжный, а правила затемнения означали, что даже тонкая полоска света могла вызвать подозрение или опасность. Во время налётов подвалы были полны людей, гнетущей тишины страха и безмолвного ожидания: выдержит потолок или обвалится?

Однажды ночью потолок не выдержал.

Убежище, где была бабушка, получило прямое или почти прямое попадание. Дом сверху рухнул. Взрыв, обломки, сила войны пробили их укрытие. Бабушку вытащили из-под завалов живой, но тяжело раненой. Часть черепа была раздроблена и её пришлось удалить. Хирурги заменили отсутствующую кость металлической пластиной. До конца жизни под кожей головы можно было нащупать край этой пластины. Иногда она говорила, что боль усиливается в холод или перед грозой — тупая пульсация, напоминание, что война никогда полностью её не отпустила.

Но самая большая рана была не физическая.

В ту ночь погибли её первые двое детей. Оба исчезли в одно мгновение под падающим кирпичом и огнём. Как и многие женщины того поколения, она была вынуждена идти дальше: хоронить, скорбеть, выживать — без права рухнуть. Эту скорбь она неслла через голод и хаос послевоенной Вены.

И всё-таки она начала заново.

В 1950 году родила мою маму — здоровую, живую, ребёнка, родившегося в руинах города, который только начинал отстраиваться. Смелость, которую это потребовало, невозможно переоценить. Тело сломано, но ещё работает. Сердце всё ещё способно надеяться.

Она так и не освободилась полностью от пережитого. За всю жизнь ни разу не спустилась в метро. Одна мысль о том, чтобы оказаться под землёй, в замкнутом пространстве, которое она не контролирует, была невыносима. И всё же она заставляла себя пользоваться подвалом-хранилищем в своём доме. Маленький вызов: возвращаться в место, похожее на то, что чуть не убило её — не потому что хотела, а потому что так требовала жизнь.

Она жила с болью, памятью и молчанием. Но она жила.

Дедушка: токарный станок, совесть и латунь

Дедушка родился в 1912 году и вырос в совсем другой Вене. В межвоенные годы он играл в полупрофессиональный футбол и работал с металлом. Стал **токарем** (*Dreher*) — человеком, который с ювелирной точностью обрабатывает металл. Это умение — он тогда ещё не знал — спасёт ему жизнь.

Когда в 1938 году Австрию аннексировала нацистская Германия, приспособленчество стало выживанием. Членство в НСДАП сначала поощрялось, потом ожидалось, потом требовали. Дедушка никогда не вступил. Он заплатил за это: ограниченные возможности, усиленный контроль, риск прослыть неблагонадёжным. Но он держался.

С войной пришла и мобилизация. Большинство мужчин его возраста отправили на фронт. Дедушка избежал вермахта не тем, что прятался, а руками. Его квалификация была нужна в военной промышленности, и его направили на оружейное производство. Он стал частью военной машины — не солдатом, а рабочим-металлистом.

Работал на **Saurer-Werke** — крупном заводе в венском районе Зиммеринг. В войну Saurer глубоко втянулся в военное производство: двигатели грузовиков, тяжёлая техника, детали, поддерживавшие нацистскую машину войны. Завод был огромен и полностью встроен в нужды режима. Там также массово использовался **принудительный труд** — рабочие из оккупированных стран, заключённые, люди, согнанные на работу в нечеловеческих условиях.

Дедушка использовал тот крошечный зазор, что у него был, для сопротивления.

Из заводской столовой или кухни он брал остатки еды — то, что должны были выбросить или что полагалось обычным рабочим — и передавал принудительным рабочим. Корку хлеба, несколько картофелин. Кажется, так мало. Но это было не мало. В режиме, где сострадание считалось преступлением и где коллега мог донести, даже маленькие проявления доброты были опасны. Если бы его выдали, он мог лишиться работы — или гораздо большего.

Он пошёл на этот риск.

И есть ещё одна деталь, которая стала мне полностью ясна только недавно. Дедушка работал с латуни. Я знаю это, потому что он приносил домой вазы собственного изготовления. И потому что в подарок бабушке на свадьбу он сделал маленькое произведение искусства: **латунный кораблик с тремя пальмами**, тонко вырезанный из фольги и проволоки. Это было изящно, красиво и сделано из того же материала, что и на заводе.

Это наводит на поразительную мысль.

Нацистский режим питал **фетиш** на медали, ордена и символические предметы. Значки, железные кресты, свастики-булавки — их штамповали миллионами, чтобы награждать покорность, прославлять насилие и укреплять иерархию. Многие из них были из латуни или похожих сплавов. Если дедушка работал — а это очень вероятно — в цехе тонкой металлообработки, он мог быть напрямую причастен к **производству именно этих символов режима**.

Если так, то это жестокая ирония. Человек, который никогда не вступил в партию, делился едой с принудительными рабочими и отвергал государственную идеологию, возможно, своими руками изготавливал медали режима. То же мастерство, которое в его руках создало свадебный подарок любимой женщине. Кораблик. Пальмы. Мир.

Сопrotивление в диктатуре ритуалов

Даже дома давление на конформизм было беспощадным.

Когда бабушка с дедушкой поженились, режим «подарил» им бесплатный экземпляр «*Майн кампф*». Это было стандартно. Символический жест, связывающий каждую свадьбу, каждую семью с идеологией Гитлера. Бабушка взяла красный карандаш и **зачеркнула свастику на обложке**. Книгу не выбросила — оставила. Не из почтения, а как свидетельство. Как реликвию вторжения. Как напоминание о том, что было навязано силой.

Их также обязывали слушать речи Гитлера по радио. Нацисты массово выпускали дешёвые приёмники — **Volksempfänger**, «народный радиоприёмник», чтобы затопить население пропагандой. Местные надзиратели — **Blockwarte** — следили за исполнением. Если радио молчало, если ты не слушал, если сквозь шторы просачивался свет — могли донести.

Бабушка и дедушка находили обходные пути.

Они **подкупали** Blockwart мелкими услугами. **Говорили, что приёмник сломан** или что нет сигнала. Иногда просто сидели молча, притворяясь, что дома никого нет. А иногда, зная, что за ними следят, включали речи **на полную громкость**, чтобы слышал весь дом — спектакль не из лояльности, а из инстинкта выживания.

Их сопротивление было тихим. Тактическим. Открыто режиму они не перечили — это было бы самоубийством. Но каждый по-своему отказывался подчиняться.

Что это значит для меня

Я не рос с наследием вины. Мои бабушка и дедушка не были в СС. Не были идеологами. Не были палачами. Это были обычные люди под невероятным давлением, и они пытались — с тихой отвагой — сохранить человечность.

Это важно мне сейчас, потому что я вижу, как прошлое используют, чтобы формировать настоящее.

В некоторых странах Европы, особенно в Германии и Австрии, бремя истории привело к тому, что отдельные политики оказывают **безоговорочную поддержку** государству Израиль — даже когда оно совершает тяжёлые преступления против палестинцев. Логика (часто невысказанная) проста: раз мы были виновны тогда, мы не имеем права критиковать сейчас. Раз евреи были жертвами наших злодеяний, мы обязаны безусловно поддерживать еврейское государство.

Эта логика ложна. **Два зла не рожают добро.**

Страдания евреев в Холокосте не оправдывают страдания палестинцев сегодня. Вина европейских государств не должна оплачиваться ещё одним изгнанным народом. Преступления прошлого нельзя искупить, закрывая глаза на преступления настоящего.

Мои бабушка и дедушка тех преступлений не совершали. Они жили при диктатуре, но старались оставаться порядочными. Дедушка превращал латунь в знаки сострадания, пока завод использовал его для знаков власти. Бабушка зачеркнула свастику красным карандашом. Их пример даёт мне силы говорить ясно.

Я не чувствую нужды искупать грехи, которых моя семья не совершала. Я чувствую долг чтить ценности, которыми они жили: сострадание вместо конформизма, порядочность вместо догмы, смелость заботиться в то время, когда забота была опасна.

Память как отказ

Это мой документ. Моё приношение. Мой отказ позволить их истории исчезнуть.

Это история о латунь и бомбах. О радио, включённом слишком громко, и о еде, тайно поделённой. О черепе, который нёс боль всю жизнь, и о латунном кораблике, плывущем сквозь память. О людях, которые никогда не называли себя героями, но отказались стать чудовищами.

Я пишу это, чтобы их не забыли. И пишу, чтобы напомнить себе и каждому, кто это прочтёт: справедливость должна быть всеобщей. Память должна быть честной. Сострадание никогда не должно быть условным.

Даже во тьме маленький акт доброты может быть светом. Этому научили меня бабушка и дедушка.

И поэтому я помню.